

ЧТО ПРОИСХОДИТ, КОГДА ИСТОРИЮ ПИШУТ ВНЕ ИСТОРИИ?

По истории ГУЛАГа в последнее время опубликовано достаточно много работ, что воспринимается как вполне естественное явление. Доступ к закрытым ранее архивам стал стимулом к осмыслению малоисследованных проблем отечественной истории. Однако знакомство с рядом таких исследований позволяет сделать вывод, что во многих из них оценочные суждения соотносятся только с либеральной идеологией, известными работами знакомых западных авторов. Их выводы, сформулированные в годы холодной войны и внесенные затем в информационное пространство с вполне определенными целями, продолжают тиражироваться в России, прежде всего в тех изданиях, которые издаются на средства «...при поддержке...». Только звучат они еще более радикально и однозначно. Сегодня их пытаются подкрепить подбором эмпирических фактов из нашей истории, не утруждая себя осмысленным анализом. В основе остается тот же способ постижения исторической действительности, при котором исследователь подчиняется только тирании априорно заданных идеологических схем мышления. Можно было бы и не обращаться к анализу этих публикаций, поскольку вряд ли это что-либо изменит в данной ситуации. Но все же попробуем разобраться в некоторых суждениях одной из таких работ*. Не вдаваясь в подробный анализ различных аспектов исследования, отметим лишь некоторые, но весьма принципиальные, которые задают общий фон выводам и оценкам.

Начнем с того, что авторы определяют цель своего исследования как «изучение истории карательных ведомств — ОГПУ, НКВД, МВД СССР, ГУЛАГа и т.д.». Исследовательская парадигма на этом исчерпывается. Работе задается вполне определенный идеологический ракурс. «Карательные ведомства» — это

---

* ГУЛАГ: экономика принудительного труда / ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2005. 317 с.

очевидно по аналогии с карательными частями нацистской Германии. В стороне остается огромное поле деятельности, связанное с вопросами обеспечения безопасности государства, реализацией стратегических проектов накануне, в годы войны и в послевоенный период.

При этом стержнем книги, «является принудительный труд, его производительность и эффективность (скорее, неэффективность)». Однако никакого анализа производительности и эффективности труда в этой работе мы не увидим, как впрочем, и неэффективности тоже. Нетрудно догадаться, что при таком подходе за подбором фактов будет следовать вывод о преступном характере политического режима и только. Это все равно, что в 1930-е гг. поручить советским историкам описывать индейскую проблему в США или применение рабского труда в американской экономике. Только в этом случае, думается, выводы советских историков более бы соответствовали действительности.

Открывает работу достаточно большая по объему глава «Архипелаг ГУЛАГ: экономика системы» (автор А.К. Соколов). Название главы, очевидно, продолжает традицию А.И. Солженицына, который писал о 60 млн. репрессированных в СССР, труд которых использовался в ГУЛАГе. Несмотря на открытие архивов и полное опровержение этих данных, провозглашенный подход к СССР как, в целом, большому лагерю, где ничего не было, кроме деспотии со стороны власти, продолжает оставаться в силе во многих работах, и данное издание не является исключением. Хотя имя А.И. Солженицына и известные публикации «Огонька» на эту тему предпочитают не упоминать, а количество заключенных снижают в разы. В данном случае автор обтекаемо утверждает, что лагеря прошли «...наверное, около двадцати миллионов советских граждан» (С. 38).

Весьма сложно уложить мотивацию труда только в политику «кнута и пряника», где кнут — это внеэкономическое принуждение, а пряник — когда работник продает свой труд за мотивацию в форме заработной платы. На мотивацию труда могут оказывать влияние множество факторов, среди которых есть и такие как долг, этические и моральные соображения, воспитание, убеждение, которое больше представлено как идеологическое воздействие, и многие другие. Вот в этих бы вопросах и

постараться разобраться автору, однако, как приговор, делается вывод: «Принуждение как способ привлечения к труду органически вытекло из советской доктрины, что нашло отражение в понятии всеобщей трудовой обязанности, внедряемой с момента установления власти большевиков» (С. 18). С таким же успехом эту идею можно приписать одному из классиков европейского просвещения Т. Гоббсу, стороннику сильного государства, которое должно поставить в зависимость от себя каждого индивида. Только в этом случае, с его точки зрения, и будет реально действовать закон капитализма: кто не работает, тот не ест. Но дело здесь не в цитировании классиков, выдергивая цитаты из контекста и основной идеи которых, можно доказывать прямо противоположные вещи. Как быть с политикой НЭПа, безработицей в 1920-е гг. и многими другими фактами, которые как-то не хотят вписываться в «экономику принудительного труда»? Как быть с экономикой СССР, которая со второй половины 1950-х гг., развивалась без ГУЛАГа? Почему практику 1930–1940-х гг., пытаются обобщать на весь период советской истории, не утруждая себя попытками объяснить, какими причинами она обусловлена? С таким же успехом можно фиксировать принудительный труд в США в XIX в., исходя из использования в нем рабов, и доводить это до обобщений о принудительном характере труда в США.

Сделаем еще одно небольшое отступление. На страницах издания идею организации принудительного труда авторы выдают исключительно за творчество советской власти (С. 18, 130 и др.). Поэтому не лишним будет напомнить, что еще в Соборном Уложении 1649 г. предусматривалось «отправлять мошенников, воров и разбойников в окопах работать на всякие изделия, где государь укажет»¹. Но особенно широко труд осужденных стал применяться во времена Петра I. Только за вторую половину XVIII в. было издано около 100 законодательных актов, регламентирующих содержание и условия труда осужденных. Наконец, в соответствии с законом от 18 января 1886 г. был зафиксирован переход к принудительному труду для всех категорий осужденных, как основному направлению деятельности государства в этой области. Статьями 13–19 признавалось право заключенных на получение вознаграждения за свой труд². На сооружении Транссиба работало около 15 тыс. заключенных, силами которых было выполне-

но примерно 10% всех работ³. Поэтому вряд ли так однозначно следует связывать идею принудительного труда заключенных с «творчеством» советской власти.

С одной стороны, автор правильно подмечает явное преувеличение роли и места ГУЛАГа в жизни советского общества, но тут же вопрос переводит в плоскость рассуждений, что в какой-то мере всех граждан СССР можно считать узниками ГУЛАГа. Можно до бесконечности морализировать по поводу использования труда заключенных, апеллировать к «правам человека» и примерам из «цивилизованного мира». Все это не более как политические спекуляции на нашем историческом прошлом, трагическом и героическом одновременно. Такая уж «диалектика» у нашей истории. У большинства других она, отметим, тоже присутствует, только периоды разные. Какую стратегию для страны предлагают авторы, исследующие проблему принудительного труда? Требовалось ли России в сжатые сроки построить тысячи предприятий, проложить десятки тысяч километров коммуникаций, создать параллельные производства в глубоком тылу (то есть за Уралом), чтобы стать индустриальной и мобильной страной? Как по-другому можно было подготовить свою армию к «войне техники»? Были ли иные способы у России за 10 лет осуществить индустриализацию и подготовиться к войне. Где страна могла взять ресурсы на осуществление модернизации? Какое «зло» больше — «экономика принудительного труда» или не подготовить страну к войне?

Уверен, если бы авторы дали ответы на эти вопросы, исследовали аспекты национальной безопасности государства в конкретно-исторической ситуации, тогда бы «экономика принудительного труда» и «карательная политика» оценивались не с позиций «цивилизованных стран». Не лишним будет здесь напомнить, что и европейская цивилизация была сохранена, благодаря «сталинской форсированной модернизации». Тогда уж как-то легко, и что интересно, не в первый раз, «цивилизованная Европа» легла под нацистов и вместе с ними воевала против России. Какой вариант предлагают авторы, осуждающие «принудительный труд» и мобилизацию страны? А если ответа на этот вопрос нет, то все сентенции в отношении принуждения и «экстенсивной советской экономики» лежат вне рамок истори-

ческого исследования и имеют больше отношение к манипулированию общественным сознанием применительно к важнейшим, знаковым периодам российской истории.

Расширение ГУЛАГа связано с форсированной индустриализацией, программой освоения новых северных и прочих малодоступных территорий. В эти места вольнонаемные работники ехать не хотели, а плотность населения была таковой, что об устройстве территории силами местного населения не могло быть и речи. В этих условиях и родилась идея использования труда заключенных, прежде всего в тех местах, где не было вольнонаемных, да и вообще, можно сказать, не было населения, а климатические условия являлись наиболее суровыми.

Большинство вопросов, решаемых сталинским руководством в этот период, имели, прежде всего, отношение к стратегической безопасности страны. В первой главе правильно указывается, что первой стройкой, имевшей «военно-стратегическое значение», стал Беломоро-Балтийский канал (С. 22). По логике, должно было последовать изложение военно-стратегического значения сооружения данного водного пути для страны, ведь только это позволит глубоко и осмысленно оценить деятельность по его сооружению. Поскольку по понятным причинам объяснение в главе отсутствует, то следует напомнить, чем руководствовалось правительство страны, принимая решение о строительстве канала. Переброска с Балтийского в Белое море подводных лодок, кораблей и крейсеров позволила защитить российские водные промыслы на севере, обеспечить безопасность коммерческого мореплавания на севере и в восточной части Атлантики. Россия получила свободный выход в океан через Север, поскольку Балтийское и Черное море можно легко блокировать в военное время. Связь Ленинграда с Архангельском водным путем сократилась с 17 суток до 3,5. При полном отсутствии баз, невозможности пополнения запасов такой путь был не под силу кораблям среднего и малого водоизмещения. Дальность плавания советских эскадренных миноносцев того времени составляла 1700 миль, а между Кронштадтом и Полярным расстояние составляло 2300 миль штурмового моря⁴. Россия после переброски в Белое море подводных лодок сразу же установила контроль над биологическими ресурсами региона. До этого Норвегия методично выбивала

здесь тюленей при поддержке эскадры британского флота⁵. Дело доходило до прямых обстрелов российской территории. Политически урегулировать конфликт было трудно, поскольку Норвегия не признавала СССР. Зато после постройки канала в 1933 г. Норвегия сразу же установила дипломатические отношения с СССР. Через Беломоро-Балтийский водный путь на Дальний Восток по Северному морскому пути были переброшены эскадренные миноносцы, сторожевые корабли, подводные лодки. переброска на Дальний Восток этих кораблей другим путем в то время для СССР была невозможна. Балтийский и Северный флот благодаря Беломорканалу стали резервом друг для друга. Именно благодаря каналу Северный флот смог удержать Заполярье в годы Великой Отечественной войны.

Прокладка канала стала катализатором ускоренного хозяйственного освоения Севера. С постройкой канала северо-западный промышленный район получал безопасные выходы к портам Белого моря, Мурманскому побережью и через развитие северного морского пути — с Сибирью, а также ко всем портам мира. После осуществления проекта Волго-Дона обеспечивалась связь севера с Мариинской водной системой, а через нее с внутренними районами страны с выходом в Каспийское и Черное море. Отметим также, что канал протяженностью 227 км, имеющий сложнейшие гидротехнические сооружения, шлюзы, плотины, дамбы был построен менее чем за два года.

Игнорировать эти очевидные факты невозможно, поэтому автор статьи их и не упоминает. Вместо этого какие-то сентенции о непонятно какой «рентабельности», сарказм по поводу «успеха» сооружения канала и ссылки на мнения «отдельных авторов». Да и данные о смертности среди строителей ББК, которая «выросла в 6 раз» являются преувеличенными. В 1931 г. смертность от среднегодовой численности рабочих составила 2,24%, а в 1932 г. 2,03%. Если так вольно трактовать данные о смертности, не принимая в расчет удельный вес умерших от общего количества работающих, то доказывать «исключительно тяжелые и жестокие» условия труда и «бесчеловечный и жестокий режим» легче.

Следует также сказать, что стратегическое значение канала было сформулировано руководством страны до начала его строительства. Факты эти общеизвестны, но об том стоит сказать, пос-

кольку в работе утверждается, что «вряд ли сталинское руководство четко осознавало последствия тех или иных своих действий».

Примерно с таких же позиций оценивается труд на промышленных предприятиях и в колхозах, стахановское движение и т.п. «Люди... не хотели работать на производстве», такие вот они ленивые в России, да и коммунистов ненавидели (С. 40). Что оставалось делать власти? Принуждать! Местами выдаются такие перлы, что и комментировать их бессмысленно. Вот один из них: «Вопреки социалистическим принципам коллективного общежития, во второй половине 1930-х гг. руководство страны взяло курс на обеспечение квартирой каждой семьи...» (С. 46). Трудно сказать, что автор понимает под принципами «коллективного общежития», но не трудно посмотреть статистику, что бы убедиться, что именно в годы советской власти было развернуто массовое жилищное строительство, а в послевоенный период создана индустрия гражданского промышленного строительства, которая в большинстве регионов постсоветской России полностью разрушена. Даже в трудах западных историков ныне не присутствует подобная идеологическая зашоренность.

Стремление укрепить дисциплину и порядок на производстве в целом не противоречит процессам, происходящим в странах, переживающих процесс индустриализации, когда нужно привить работнику представление о промышленном труде как обязательном и необходимом процессе, привязать его к рабочему месту с целью выработки нужных для современного производства навыков и квалификации. А ведь СССР не просто «переживал процесс индустриализации» — она осуществлялась форсированными темпами, поскольку только так можно было заложить индустриальную основу под решение оборонных задач. У страны просто не было времени. Не случайно, наиболее жесткие решения в области трудовой дисциплины принимаются в конце 1930-х гг., когда мировая война уже началась, и счет шел на дни.

С таких же позиций оценивается политика в области трудовых отношений в годы войны и в послевоенный период. Только теперь эти процессы оцениваются как «усиление принуждения». Подход этот представляется излишне политизированным, игнорирует очевидные факты и конкретно историческую ситуацию. Стимулирование труда в годы войны и в послевоенный период

могло опираться только на имеющиеся ресурсы, а они по известным обстоятельствам были весьма ограничены. В то же время, с нашей точки зрения, нельзя говорить об отсутствии системы мотивации труда, как в годы войны, так и в послевоенный период. В вопросах стимулирования труда важное значение имела заработная плата. Более того, ее роль с 1944 г., когда с централизованного снабжения начинают сниматься различные категории рабочих и служащих, вновь возрастает. Роль заработной платы в мотивации труда повышалось введение в апреле 1944 г. государственной коммерческой торговли. Она позволила населению по ценам более высоким, чем в системе нормированного снабжения, но без карточек приобретать продовольственные, а со второй половины года и промышленные товары.

Заработная плата в индустриальном секторе народного хозяйства имела ярко выраженный дифференцированный характер в зависимости от стратегического значения отрасли, а также от уровня квалификации труда. Причем этот разрыв в годы войны только увеличивался. Кроме того, существовали и различные виды доплат к заработной плате. Денежное стимулирование для рабочих существовало в форме аккордно-сдельной (по повышенной тарификации) оплаты труда, и в повышении заработной платы отдельным категориям рабочих и служащих. При организации соревнования за него агитационной ширмой действовали финансовые рычаги стимулирования. По сути, это было внутриведомственным перераспределением фонда заработной платы путем искусственного занижения, либо сдерживания ставок у одних рабочих и повышения у других или за счет отпуска средств, полученных от экономии. Широко применялось денежное стимулирование в виде премиальных (от 0,5 до 2 окладов) для инженерно-технических работников.

Другое дело, что мотивирующее значение заработной платы ограничивалось возможностями местных органов власти по товарному обеспечению денежной массы. Поэтому, чтобы не раскручивать очередной виток инфляции, государственные органы были вынуждены изымать излишнюю денежную массу из оборота в основном через государственные займы на оборону, на восстановление и развитие народного хозяйства. В этом смысле долговременная оплата труда делала вознаграждение частично

условным. Чтобы сдержать инфляцию и повысить мотивирующую роль заработной платы, правительство не только повышало заработную плату рабочим и служащим, вводило новые пособия, но и регулировало цены на товары повседневного спроса. В результате удалось укрепить покупательную способность рубля.

Важную роль в стимулирование труда имело перераспределение товарных потоков под стратегические задачи, решаемые властью. В этих целях с конца 1939 г. создавалась сеть закрытых торговых точек, обслуживающая не только рабочих и служащих самих предприятий, но и работников подведомственных им школ, детских садов, больниц. Особое место в поощрении труда занимали продукты питания. Наконец, нужно отметить, что определенным стимулирующим фактором являлась и сама карточная система. На протяжении существования карточной системы распределение по ней усложнялось. Накануне ее отмены, например, только карточки на хлеб дифференцировались по 11 категориям с максимальной нормой выдачи 1200 г. и минимальной 300 г. Ведомствами были введены еще и дополнительные виды питания.

Таким образом, даже в условиях войны применялись различные формы мотивации труда, которые обеспечивали не только наращивание производства, но и сохранили финансовую систему страны в чрезвычайных условиях. Однако автор, отмечая вскользь отдельные меры власти, отнюдь не усматривает в этом наличие стимулов к труду. Сталинская политика оценивается «как двойственная и противоречивая» (С. 47), «непоследовательная и противоречивая» (С. 56). И в чем же эта противоречивость? «Кажется (!?), — отмечает автор, — что руководство не особенно полагалось на трудовой подъем и патриотические чувства населения и больше уповало на методы принуждения и насилия...» (С. 48). На уровне фактов ничего не доказывается, потому что «статистика наказаний не соответствует реальному состоянию трудовой дисциплины на производстве, а отражает приоритеты государственной политики в области стимулирования труда» (С. 50). То есть, другими словами, если цели работы определены, то факты уже не имеют никакого значения.

Автор не может игнорировать бесспорные успехи страны в деле восстановления и развития народного хозяйства в послевоенный период. Только интерпретация причин опять однобокая:

«Успехи были достигнуты путем нещадной эксплуатации деревни...» (С. 58). Да, и это имело место: изъятие не только прибавочного, но и часто необходимого продукта из колхозов. Но пусть автор предложит свой вариант восстановления разрушенной экономики в условиях полного отсутствия свободных средств, развязывания новой гонки вооружения, решения множества других задач, имевших прямое отношение к обеспечению безопасности государства?

Ситуация в чем-то напоминала конец 1920-х гг. Тогда, чтобы строить новые предприятия и создавать новые отрасли, требовалось накопление капитала, который можно было направить на расширение производства. Сформировать такой капитал можно было только за счет деревни, поскольку основным источником поступления валюты был экспорт товарного хлеба.

Критерии, по которым авторы оценивают развитие страны в 1930–1940-е гг., изложены во второй главе работы: «Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-е–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития». Подход изложен следующим образом: «...с точки зрения морально-правовых критериев, принятых в цивилизованных обществах, сталинский террор и его производное — экономика принудительного труда не могут быть оценены иначе, как преступные. В контексте общих тенденций мирового развития, демонстрирующих неоспоримые преимущества свободного труда, любая экономика принудительного труда не может быть признана эффективной». Вот только после этого возникает вопрос, зачем писать историческое исследование, если все оценки советской истории уже давно даны «цивилизованными обществами», которые в рамках рассматриваемого периода «нецивилизованная», «варварская» Россия спасала от нацистов. «Морально-правовые критерии» — это критерии западной цивилизации, прежде всего англо-саксонской, взятые ныне на вооружение в информационной войне и никакого отношения не имеющие к исторической науке. Именно западные страны присвоили себе право оценивать историю народов, цивилизаций, государств. Все, что не соответствует их интересам, подлежит осуждению по «морально-правовым критериям».

Конкретно-исторический анализ, оценивающий ситуацию в контексте реалий ее времени, автор именует «условно говоря, историческим» (С. 79).

Опираясь на такой подход, отвергая факты («многочисленные факты заставляют критически относиться...к сугубо статистическим оценкам» (С. 88), авторы оценивают индустриализацию как «крайне затратную и низкоэффективную». Огромные вложения направлялись в строительство объектов, которые в конечном счете, либо оставались незавершенными, либо оказывались экономически бесполезными или малоэффективными, превращаясь в тяжелую обузу для экономики: «...затраты на строительство и эксплуатацию таких предприятий...тормозили реальную индустриализацию» (С. 89). То есть индустриализация «формальная» — это десятки тысяч построенных предприятий, которые вывели Россию в число ведущих индустриальных держав. Но есть индустриализация «реальная», то есть виртуальная, которой не было, но которая «тормозилась» реальным вводом в действие промышленных объектов и транспортных коммуникаций. Комментировать здесь что-либо сложно.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: крайне негативная оценка развития коммуникаций в отдаленных и малодоступных районах. Развитие коммуникаций всегда имело основополагающее значение в общественном прогрессе, обеспечивая связь между народами, способствуя усилению торговых и деловых отношений. Эти дороги строились и при царях, и при Сталине, и при Брежневе, прежде всего с учетом оборонных нужд российского государства. Это облегчало и ускоряло переброску войск с одного направления на другое. Связывание России скоростными сверхмагистралями делало ее непобедимой и чрезвычайно устойчивой к своему пространству. Это вопрос бытия России как государства, и эту проблему прекрасно осознавал Сталин. Транспортные коммуникации стягивали экономическое пространство России, делали ее мобильной. Именно поэтому ГУЛАГ активно подключили к сооружению сети дорог. До революции двухколейное движение, обеспечивающее прохождение 10–12 пар поездов в сутки, удалось наладить только на участке Челябинск — Иркутск (1909 г.) и Иркутск — ст. Карымская (1913 г.). От Карымской до Владивостока тянулась одноколейная полоса, способная пропускать около шести пар поездов. Проблема усугублялась потерей КВЖД, которая спрямляла путь через Китай. И эта слабая трасса на протяжении половины своей дли-

ны шла на удалении нескольких десятков километров от границы. 13 апреля 1932 г., когда уже стала фактом полная оккупация Японией Маньчжурии, было принято решение о строительстве БАМа (то есть прокладка пути севернее имеющихся). В этом же году началось строительство вторых путей Карымская — Хабаровск (2217 км, сдана в эксплуатацию 1 ноября 1937 г.), Хабаровск — Ворошиловск (655,6 км, сдана в эксплуатацию в начале 1938 г.). Там, где дорога проходила близко от границы, были построены глубокие обходы. Для обеспечения прямого сообщения с Монголией начинается строительство дороги Улан-Удэ — Наушки. Дорога длиной 246 км начала действовать весной 1939 г. Ее исключительная роль была подтверждена конфликтом на р. Халхин-Гол. Начинается строительство Северо-Печорской железной дороги (от Котласа до Воркуты — 1191 км), северный участок которой находился за полярным кругом⁶. Эту дорогу достраивали уже в годы войны. Сталин также понимал огромное значение для России Северного морского пути. Это самая короткая дорога, соединяющая два океана, самый ближний выход в Европу, западным провинциям Канады и США, наконец, морские перевозки намного дешевле сухопутных. Это открывало путь к освоению минеральных ресурсов севера, которые были скрыты непроходимыми пространствами. Именно поэтому транспортные коммуникации пробивались на север. Это бы всколыхнуло жизнь на огромном пространстве, придало импульс развития многим отраслям промышленности.

Это лишь некоторые примеры, связанные с привлечением ГУЛАГа к строительству коммуникаций. Какие итоги? С 1933 по 1941 гг. силами осужденных построено 6,5 тыс. км только железных дорог. Значительно улучшена связь с Дальним Востоком. Общая длина железных дорог СССР к началу 1941 г. составила 106 102 км, из них при советской власти было построено 35 850 км. То есть силами ГУЛАГа построено 18% советских железных дорог⁷. Летом и осенью 1941 г. по железным дорогам СССР были вывезены из фронтовых зон в восточные районы 2,5 тыс. предприятий и 18 млн. человек, а с востока на запад были доставлены 291 дивизия и 94 бригады. Успешная переброска соединений с Дальнего Востока под Москву в 1941 г. и молниеносный разгром Квантунской армии в 1945 г. — лучшая

характеристика результатов труда строителей НКВД. Вот в рамках этих аспектов и нужно было авторам рассуждать о «рентабельности» строительства ГУЛАГа и «формальной» индустриализации. Если мы будем продолжать оценивать историю своей страны с «морально-правовых» подходов «цивилизованных стран», ничего мы в своей истории не поймем, историки будут рабски поддакивать оценкам тех фондов, при «поддержке» которых издаются книги. Что делать, очень часто бывает так: кто оплачивает музыку, тот ее и заказывает.

Примечания

¹ Соборное уложение 1649 г. Текст и комментарии. М., 1987.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). II. Т. 54. Отд. 2. С. 280.

³ Сапилов Е.В. Из истории строительства Сибирской железнодорожной магистрали. М., 2001. С. 82.

⁴ Бережной С.С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1828–1945. М., 1998. С. 56.

⁵ См. более подробно: Пограничные войска СССР 1929–1938. Сб. документов. М., 1972. С. 44–47.

⁶ Дьяков Ю.Л. Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие. М., 1973. С. 62–67.

⁷ Моруков М.Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. С. 113.